

Славянская и японская традиции создания стихотворных алфавитов

Е.Э. Войтишек

В статье речь идет об общих принципах формирования славянской (глаголица, кириллица) и японской систем письменности (*ироха*), базирующихся на идее создания стихотворных алфавитов. В знаках обоих алфавитов, созданных независимо друг от друга в разных регионах мира на рубеже IX–X вв., отражена своеобразная языковая картина мира каждого народа, соответствовавшая этническому сознанию и выраженная в понятиях морально-этических норм, вечных истин, не случайно называемых сейчас «азбучными».

Ключевые слова: глаголица, кириллица, азбучные молитвы, поэтический алфавит *ироха*, карты и пословицы *ироха*.

При всех отличиях русской (и шире – славянской) и японской культур, языка и менталитета этих двух своеобразных цивилизационных полюсов, бросается в глаза удивительное сходство в выборе приемов и техник, касающихся идеи создания алфавита. Речь идет о системах письменности, отражающих не только звуковое своеобразие, но и языковую картину мира, попытки осмысления письменных и смысловых знаков в понятиях морально-этических норм, вечных истин, не случайно называемых сейчас «азбучными». Поэтический алфавит *ироха* со времени своего изобретения в IX–X вв., целые столетия занимавший господствующее положение в японском языке в качестве алфавитного порядка, и в настоящее время является важным элементом духовной культуры Японии. Широко известна, например, японская пословица *いろはも知らない ירוハモシラン*, что полностью соответствует русскому «не знать азбуку». Оба выражения символизируют крайнее невежество и происходят от названия первых букв алфавита, с которых начиналось обучение азбуке.

Не представляется возможным охватить все разнообразие теорий и предположений, высказанных лингвистами, историками, антропологами, этнологами за десятилетия попыток анализа историко-генетических связей между языковыми и письменными системами, находящимися на разных уровнях родства. Очевидно одно – далекие предки современных японцев и русских при создании алфавитов руководствовались не только необходимостью фиксации письменных знаков, отражающих произносительные и смысловые нормы языка, но и стремились передать тот мир символических образов, который был закреплен веками в

этнической культуре. Создавая в своей классификации систему знаков, отражающих на письме тот или иной звук, создатели алфавитов наполняли каждый знак конкретно-смысловым содержанием, формируя своеобразный игровой и поэтический мир.

Что касается древнеславянских азбук – глаголицы и кириллицы, созданных на основе византийского греческого письма просветителями Кириллом и Мефодием в IX в., то, как отмечает один из ведущих российских славистов Л.В. Савельева, «в ключевых словах азбуки легко узнаются привычные, традиционные символы христианской культуры, представляющие “вечные истины”: добро, покой, слово». Буквы азбуки исследовательница рассматривает как «своеобразные “атомы” отечественной письменной культуры, долженствующие, по замыслу их создателя, заложить фундамент повседневной духовной практики славян»¹. Профессор Л.В. Савельева интерпретировала славянскую глаголическую азбуку как первый целостный поэтический текст, написанный в 863 г. Константином Философом (в пострижении – Кириллом) в жанре краткой проповеди к неопитам в традициях византийского молитвословного стиха. Она полагает, что именно в глаголической азбуке кроется суть разгадок смысла знаков, раскрывается «примат духовного над материальным». Исследовательница отмечает, что при обозначении букв славянской азбуки были использованы старославянские слова в следующих значениях: азъ («я») – буквы («письмо, грамота») – вѣдѣ («осознаю») – глаголи («говори») – добро («благо, добро») – есть («существует») – живѣте («живи») – сѣло («совершенно», «в высшей степени») – земля («мир, земляне») – иже (и) («но», «а») – како («как?») – людіе («люди», «дети человеческие») – мыслите («размышляйте») – нашъ («наш», «у нас») – Онъ («онный», «потусторонний», «неземной») – покои («покой», «прибежище») – рѣци («скажи») – слово («речь», «заповедь») – тврьдо («твердое», «непреложное», «истинное») – оукъ («научение») – фертъ («избираемо», «избирательно») – хѣръ («херувимъ») – отъ («от») – пе («печали») – ци («или») – чръвь («червь»)².

Существует несколько современных толкований этого текста, которые в самом общем виде можно трактовать как послание «разумным людям», как завет трудиться, постигать мироздание и нести знание, «дар Божий»:

«Я грамоту осознаю. Говори: Добро существует! Живи совершенно, Земля! Но как?

Люди, размышляйте! У нас потустороннее прибежище.

Скажи слово истинное. Научение избирательно:

Херувим, – отрешением печали, – или червь» [1, с. 21].

«Я Бога Ведаю. Говорю и делаю Добро. Добро Есть Жизнь. Живите Землю, она кормилица наша. И Как мы, Люди, Мыслим, таков и Наш мир»³.

Как отмечает Л.В. Савельева, композиция этого обращения Кирилла максимально подчинена его художественной идее – осознанию приобщения к грамоте и пробуждению

¹ Савельева Л.В. Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста. URL: <http://philolog.petrsu.ru/filolog/konf/1994/02-saveljeva.htm> (дата обращения: 25.10.2016).

² Там же.

³ Лидия Новикова. О древнем славянском алфавите. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_4193/ (дата обращения: 02.10.2016).

личности в ее стремлении к идеалу⁴. В этом произведении «искусно переплетены и разработаны три ведущих темы христианской поэзии и вместе с тем три “азбучных истины”»: духовный путь личности к сущностному познанию мира; мотив благой вести и неофитской радости»; мотив преодоления житейских забот и даже смерти – «силой разума и воли, направленных на радость общения с идеальным и вечным»⁵.

По мере распространения самого алфавита в славянском мире и связанной с ним обширной духовной литературы были созданы специальные «азбучные молитвы», или «толковые азбуки», где излагались постулаты религиозной морали, нравственные нормы христианской веры. Стихотворная и ритмическая форма изложения различных вопросов православного вероучения была удобна для запоминания, тем более что она и прежде широко практиковалась.

Поэтический прием, при котором каждая строка начиналась с очередной буквы алфавита, был известен еще при написании церковных песнопений, гимнов и других произведений византийской духовной литературы. Не случайно азбучные молитвы широко распространились и в древнерусской письменной традиции. К настоящему времени обнаружены десятки подобных списков, относящихся к XII–XVII вв.⁶ Примечательно, что несмотря на гипотезы некоторых отечественных и зарубежных славистов о том, что азбука Кирилла является текстом «разрушенной молитвы», обращенной к Богу, Л.В. Савельева убедительно доказывает, что текст глаголической азбуки был создан специально для новобращенных христиан [2, с. 27–30].

На данный момент наиболее известны тексты двух славянских азбучных молитв, которые передаются современными буквами русского алфавита, но с сохранением старых грамматических норм (включая написание первых букв акростиха⁷)⁸.

В научной литературе нередко встречается мнение о том, что прообразом славянской «Азбучной молитвы» являлся текст «Алфавитарь» («Абцедарий») святого Григория Богослова (329–389), представляющий собой стихотворение из 24 строк по 12 слогов, где каждая строка начинается с букв, соответствующих порядку греческого алфавита⁹. Однако если посмотреть на сам текст, то, в отличие от «Азбучной молитвы», он не является цельным произведением – буквам алфавита соответствуют нравоучительные сентенции о добре и зле, о боге и дьяволе, о гордости и тщеславии, о скорби и искушении; есть также целые разделы о

⁴ Савельева Л. В. Славянская азбука...

⁵ Савельева Л. В. Славянская азбука – Благая весть от Кирилла. URL: <http://russianamericansarts.us/russian/sobytija/lokalnye-sobytija/slavjanskaja-azbuka---blagaja-vest-ot-kirilla> (дата обращения: 19.10.2016).

⁶ Азбучные молитвы. URL: <http://www.orthedu.ru/culture/slava/17-34/24-27.htm> (дата обращения: 03.10.2016).

⁷ По замечанию А.А. Гогешвили, в эстетике Средневековья акростих был высшим и сокровенным проявлением Божественной гармонии, противостоящим хаосу (Цит. по: Савельева Л. В. Славянская азбука – Благая весть от Кирилла).

⁸ Тексты азбучных молитв «Аз словом сим молюся Богу» (рукопись обнаружена в Патриаршей библиотеке в сборнике, принадлежавшем патриарху Никону) и «Аз есмь свет миру» (взяты из «Сборника слов и поучений» XVII в., хранится в библиотеке Московского университета) представлены на сайте: URL: <http://www.orthedu.ru/culture/slava/17-34/24-27.htm> (дата обращения: 03.10.2016).

⁹ Свяtitель Григорий Богослов. Духовный алфавит. URL: <https://nasledie77.wordpress.com/2014/02/07/> (дата обращения: 19.10.2016).

благодати и боге, браке и семье, «советы верующей женщине» и проч. Нередко такие рассуждения имеют форму пословиц и идиоматических выражений. Например: «возвышайся более жизнью, нежели мыслью», «кто не расположен к злу, тот неспособен и к подозрению», «лучше о себе слышать плохое, нежели говорить плохо о других», «потеря стыда – начало всех пороков», «общие заботы облегчают скорби» и др.).

Такому построению текста соответствует, несомненно, сам организующий принцип алфавитного порядка, который предполагает «развертывание» знаков и смыслов во времени и в пространстве.

Примечательно, что этот же принцип лег в основу особого литературного приема, основанного на структурирующем принципе японского алфавита *ироха*, созданного в Японии на рубеже IX–X вв. Каждому знаку алфавита *ироха* в форме акростиха соответствовали изречения конфуцианского или буддийского толка, либо высказывания из народной мудрости.

Точно так же, как деятели славянской и древнерусской культуры, создатели японского алфавита непременно должны были обратиться к длительной письменной традиции. В случае Японии таковой однозначно выступает материковая культура, а именно – книжно-письменная традиция Китая, Индии, Кореи. Действительно, начиная с VIII–IX вв. в Японии неоднократно предпринимались попытки создания алфавитов. За основу принимались организованные тематически и ритмически китайские энциклопедические своды, силлабические санскритские системы, а также китайские и корейские рифмовники, каллиграфические прописи¹⁰.

При этом японские книжники обращались и к своей национальной традиции, соединяя попытки теоретического осмысления письменного наследия с практикой освоения иероглифической письменности. Так, в качестве базовых прописей использовали два знаменитых стихотворения, впервые упомянутые в антологии середины VIII в. «Манъёсю» (浅香山の歌 *Асакаяма-но ута* «Песня о горе Асака») и в антологии начала X в. «Кокин-вакасю» (難波津の歌 *Нанивадзу-но ута* «Песня о бухте Нанива») [3, с. 95–96]. В дальнейшем в качестве прописей стали использоваться стихотворные азбуки с ни разу не повторяющимися знаками (*амэццуги*, *таини* и *ироха*), которые уже более отражали звуковой состав японского алфавита в 47 (48) знаков. Хотя эти три стихотворения часто объединяют, называя «стихами для чистописания» (手習い歌 *тэннараи-ута*), они сильно отличаются между собой по форме и содержанию. Азбука 阿女都千の詞 *амэццуги* (-но котоба) является простым перечислением двухсложных слов (хотя и со смысловой отсылкой к китайскому своду VI в. 千字文 *Цяньцзывэнь* («Тысячесловие»¹¹), не связанных в единую

¹⁰ Подробнее см.: *Войтишек Е.Э.* Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). Новосибирск: изд-во Новосибирского госуниверситета, 2011. 2-е изд., испр. и доп. 311 с., 44 с. ил.

¹¹ Подробнее см.: *Войтишек Е.Э.* Китайский «Канон тысячи иероглифов» Цяньцзывэнь и японский алфавит *ироха* как уникальные памятники традиционной культуры Востока: К вопросу о специфике восточного менталитета // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 2001. № 4. С. 90–96; *Ее же.* «Канон трех иероглифов», «Канон ста фамилий» и «Канон тысячи иероглифов» как выдающиеся памятники просветительской литературы старого Китая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2002.

фразу. Вероятно, ее создатель хотел показать, что в японском языке не было знаков, кроме этих 47 (48), поэтому не ставил перед собой задачу составить целостное произведение. Алфавит 太為爾の歌 *таини* (-но ута), впервые зафиксированный в 970 г., уже был создан в виде стихотворения в жанре *вака*, из сочетания четырех 5–7-сложных строф, однако в силу своей тяжеловесности он так и не приобрел популярности. Скорее всего, это стихотворение явилось одной из многочисленных попыток создания «идеального» стихотворного алфавита с ни разу неповторяющимися знаками [3, с. 96–97].

Таким «идеальным» во многих смыслах алфавитом явилась последовательность знаков 伊呂波順 *ироха-дзюн*. Алфавит *ироха* представляет собой переведенный на японский язык фрагмент из буддийской «Сутры Нирваны» (大般涅槃經 *Дайхацунэхан-гё:*), а именно стихотворение о последней ступени достижения благодати:

諸行無常	<i>сёгё: мудзё:</i>	Все земное преходяще.
是生滅法	<i>дзэсё: мэппо:</i>	Есть только закон рождений и смертей.
生滅滅已	<i>сё:мэцумэцуи</i>	Для достижения нирваны необходимо
寂滅為樂	<i>дзякумэцуираку</i>	преодолеть рождение и смерть.

(Пер. Е. Половниковой)

В стихотворении подчеркивается необходимость отказаться от условностей этого мира, перестать относиться к нему как к своему, заключающему в себе смерть и страдания, и отнестись к нему как к миру Будды и тем самым достичь глубины и безусловности.

Алфавит *ироха* состоит из 47 (48) неповторяющихся знаков, заключенных в четыре 7–5-сложные строфы, и представляет собой стихотворение о бренности всего существующего в мире. Название алфавита создано по акрофоническому принципу и состоит из звуков первых трех слогов: *и-ро-ха* (в нескольких вариантах иероглифического написания: 以呂波, 伊呂波, 伊路波, 色葉).

Алфавит いろは歌 *ироха-ута:*

色は匂へど	いろはにほへど	<i>иро ха нихохэдо</i>
散りぬるを	ちりぬるを	<i>тиринуруо</i>
我が世誰ぞ	わかよたれぞ	<i>вакаётарэдзо</i>
常ならむ	つねならむ	<i>цунэнараму</i>
有為の奥山	うみのおくやま	<i>уиноокуяма</i>
今日越えて	けふこえて	<i>кэфукоэтэ</i>
浅き夢見じ	あさきゆめみじ	<i>асакиюмэмидзи</i>
ゑひもせず (ん)(京)	ゑひもせず (ん)(きょう)	<i>эхимосэдзу (н) (кё:)</i>

Т. 1, вып. 2: Востоковедение. С. 39–43; Войтишек Е.Э., Зайкина В.О. Каноны цикла «Сань-бай-цянь» («Три-сто-тысяча») в контексте просветительской литературы старого Китая и их нумерологическое значение // Мат-лы Всерос. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». Благовещенск: АмГУ, 2003. С. 176–182.

Красота сияет. Миг –
И увяла вся.
В нашем мире что, скажи,
Пребывает ввек?
Грани мира суеты
Ныне перейдя,
Брось пустые видеть сны
И пьянеть от них.

(Пер. Н. Конрада)

Ароматные цветы
Скоро опадут.
В нашем мире ничему
Вечным не бывать.
Горы мира бытия
Нынче перейди.
Сны пустые не смотри,
Не пьяней от них.

(Пер. С. Арутюнова)

В расширенном толковании это стихотворение можно представить следующим образом:

Хотя сейчас цветы находятся в полном цветении,
они скоро осыплются и завянут;
человек тоже вынужден подчиняться
законам бренности бытия.
Как хорошо было бы где-нибудь в уединении
преодолеть всю суету быстротечной жизни...
Внезапно с чувством свободы от всяческих заблуждений
неожиданно тебе откроется подлинная суть вещей.
[3, с. 97–98].

Проблема времени создания и авторства алфавита *ироха* до сих пор окончательно не решена. По одной из версий, автором *ироха* является выдающийся религиозный деятель, каллиграф, художник и поэт 空海 Кукай (弘法大師 Кобо Дайси, 774–835). В пользу этой версии говорит само буддийское содержание стихотворения *ироха*. Во многих исторических источниках Кукай, основатель буддийской школы *сингон* («Школа истинного слова»), прямо назван создателем алфавита *ироха*, которое он написал для проповеди своего учения. Однако Кукай известен и как создатель японской слоговой азбуки *хирагана*, базирующейся на китайских иероглифах. Если придерживаться мнения о тождественности *хирагана* и *ироха*, то именно Кукай является автором и алфавита *ироха*, знаки которого первоначально использовались в каллиграфии, а впоследствии были объединены в таблицу, где каждый знак следовал за другим в строго установленном порядке.

Порядок *ироха*, наряду с современным алфавитом 五十音 *годзюон* (букв. «50 звуков»), в котором представлены основные знаки японской письменности, до сих пор часто берется за основу принципа построения словарей, различных приложений, списков, используется при перечислении предметов, понятий и пр. Следует признать, что общепринятый алфавитный порядок *годзюон* по сравнению с алфавитом *ироха* выглядит более компактно и систематизированно (это обеспечивает его относительно быстрое и легкое запоминание) и более полно отражает фонетическую базу японского языка. При этом наличие двух

параллельно существующих и занятых в разных сферах языка алфавитов составляет яркую специфическую особенность японского языка и культуры Японии в целом.

Пожалуй, самым удивительным практическим «приложением» алфавита *ироха* можно считать формирование особой карточной игры по типу лото, связанной с пословицами и изречениями, соответствующими тому или иному его знаку. Вероятно, что ее формированию к XVII в. в Японии предшествовала традиция создания разнообразных иллюстрированных пособий для обучения детей грамоте. Распространению этой игры способствовало также знакомство японцев с западными карточными играми, активно утверждавшимися на архипелаге вместе с деятельностью испанцев, португальцев и голландцев с середины XVI в. Цель игры состояла в том, чтобы набрать как можно больше карт, на которых изображены начальные знаки пословиц и изречений, и заодно продемонстрировать знание сентенций, соответствующих каждому знаку [3–4].

В картах *ироха* собраны передаваемые из уст в уста на протяжении около тысячи лет пословицы, поговорки, идиоматические выражения и устойчивые словосочетания, пришедшие в основном из народного словотворчества и до сих пор являющиеся подлинной жемчужиной разговорного языка. Большая их часть обращена к нравственной сути человека – поискам и определению содержания таких понятий, как добро, зло, правда, жалость, сострадание. Японские пословицы и поговорки весьма разнообразны по своему содержанию: кажется, нет такой стороны человеческих отношений, которую бы они не затронули. Здесь и суждения, касающиеся мыслей и поступков людей (*нэко-ни кобан* – букв. «кошке – червонцы», то есть «метать бисер перед свиньями»); и советы, наставления, приходящиеся в жизни (*коробану саки-но цуэ* – букв. «надо взять палку раньше, чем упадешь», то есть «не зная броду, не суйся в воду»); и меткие наблюдения (*мондзэн-но кодзо: нараванукё-о ёму* – букв. «дети перед воротами храма читают сутры, не уча их»; ср. рус.: «с кем поведешься, от того и наберешься»). Широко представлена в пословицах так называемая народная педагогика, выражающаяся в четких указаниях относительно воспитания детей (*каваши ко нива таби-о сасэ ё* – букв. «любимого ребенка пошли в далекое путешествие», то есть «с любимым ребенком обходись строго»; *судзумэ хякумадэ одоривасурэну* – букв. «воробей и до ста лет не разучится скакать», то есть «каков в колыбельке, таков и в могилку»).

Поскольку японская культура всегда испытывала большое влияние китайской философско-религиозной мысли, то среди пословиц, содержащих жизненные напутствия и наставления, можно найти немало книжных афоризмов, отражающих идеи конфуцианства и буддизма. В качестве примера такого проникновения в народную среду можно привести афоризмы типа: *ронго ёми ронго сирадзу* (букв. «читать Луньей и не знать Луньей»), что соответствует грубоватому русскому выражению «смотреть в книгу – видеть фигу»; *ритигимонно-но ко дакусан* (букв. «у достойного человека много детей»), что в метафоричном смысле означает добрые дела и поступки хорошего человека; *сирану га хотокэ* (букв. «незнание есть Будда»), то есть «в неведении – блаженство».

Ряд пословиц отражает особенности, касающиеся некоторых местных обычаев и порядков. Так, в выражении *тосиёри-но хиямидзу*, что буквально означает «холодная вода – старику», можно обнаружить отголоски старинного обряда, когда люди молились перед

божеством и в знак поклонения ему обливались холодной водой с головы до пят. Молодой человек еще мог выдержать такое испытание, а старикам это оказывалось не под силу, особенно зимой. В переносном смысле это выражение означает упрямство человека, когда кто-либо берется за трудновыполнимое дело, не учитывая своих возможностей.

При всей своей аллегорической форме японские пословицы и поговорки имеют предельно конкретный, реалистический характер. Они могут быть выражены в форме приказа, повеления (*нэн-нива нэн-о ирэ*, что означает «семь раз отмерь, один раз отрежь», букв. «к вниманию приложи внимание»); в форме описания (*цудзурэ-о китэмо кокоро ва нисики* – «тело в лохмотьях, а сердце в парче»); могут быть построены по типу сопоставления и контраста (*гэта то якимисо* – букв. «деревянная обувь гэта и паста из жареных соевых бобов мисо», что означает такое большое различие, как между небом и землей) и пр.

Обычно пословицы *ироха* насчитывают не более 15–16 слогов и ограничиваются двумя фразами. По аналогии с японскими стихами *танка*, которые характеризуются размером в 5–7–5–7–7 слогов, для пословиц *ироха* типичным является ритм в 5–5; 5–7 и 7–7 слогов. Например, *эн-но сита-но / тикарамоти*, что означает «не оцененные никем усилия»; *вараукадо / ни ва фуку китару* – «в дом, где смеются, приходит счастье»; *и-но нака-но каэ / ру тайкай-о сирадзу* – «видеть мир в замочную скважину», букв. «сидящая внутри колодца лягушка не знает о большом море» (это выражение восходит к китайскому афоризму, связанному с именем знаменитого философа Чжуан-цзы 井底之蛙 *цзин ди чжи ва*, что буквально означает «лягушка на дне колодца»).

При этом наблюдаются приемы аллитерации и сознательно зарифмованных фигур, а также случаи усечения фраз. В качестве примера пословицы с зарифмованными фразами можно привести выражение: *ясумоно гаи / но дзэни усинаи*, что буквально означает «покупая дешевые вещи, теряешь деньги» (ср. русское выражение «скупой платит дважды»). Что касается случаев усечения фраз, то среди пословиц *ироха* довольно много выражений, существующих в двух вариантах: полном и кратком. Так, поговорка, соответствующая русской «беда не приходит одна», может употребляться как в полном виде (*накицура-ни хати га сасу* – букв. «плачущее лицо и пчела кусает»), так и в усеченном (*накицура-ни хати* – букв. «на плачущее лицо – пчела»).

Кроме того, для создания благозвучных острот постоянно применяется игра слов в виде шуток, а также прием, называемый *гороавасэ*, то есть присоединение к одной строке второй, ритмически и фонетически сходной, но не связанной с первой по смыслу. Например, выражение *гэта то якимисо, гири то фундоси*, явно состоящее из двух частей (которые существуют и по отдельности в виде самостоятельных изречений), буквально переводится как «деревянная обувь гэта и паста из жареных соевых бобов мисо, чувство долга гири и нижнее белье фундоси». Первая часть выражения относится к пониманию женской сути, а вторая – к пониманию мужской: точно так же, как для женщин важно ношение на улице деревянных сандалий и приготовление дома традиционных блюд, так и для мужчин необходимо соблюдение долга и ношение нижнего белья.

Ряд поговорок, собранных в картах *ироха*, при использовании различных образов имеют сходный метафорический смысл. Здесь можно провести очевидную аналогию с

вариантами русских изречений, сравнивая образную систему мышления разных народов. Так, русские выражения «как с гуся вода», «хоть кол на голове теши», «как об стену горох», означающие бесполезные усилия, отсутствие эффекта, по своей образности вполне сопоставимы с японскими: «как вода на мордочке лягушки» (*каэру-но цура-ни мидзу*), «все равно что скоба для соевого творога *тофу*» (*то:фу-ни касугаи*), «все равно что вбивать гвоздь в высевки» (*нука-ни куги да*), «восточный ветер – в ухо лошади» (*бадзито:фу:*), «молитва – в уши свиньи» (*бута-но мими-ни нэмбуцу*). Все это вряд ли следует считать проявлением избыточности в языке. Скорее всего, в этом правильнее было бы видеть разные стороны одного и того же явления и признавать правомерность сосуществования разных углов зрения.

Поскольку карты допускают определенную вариантность в составе пословиц и поговорок, то часто бывает так, что одному знаку поэтического алфавита *ироха* могут соответствовать несколько изречений. Со времени появления знаменитых исторических хроник 古事記 «Кодзика» (712 г.) и 日本書紀 «Нихон сёки» (720 г.) в японских литературных источниках постоянно встречаются пословицы и поговорки, характерные для той или иной эпохи. С течением времени их количество только росло, поскольку жизнь предоставляла людям неисчерпаемый источник творческого вдохновения и фантазии, побуждала их к образному осмыслению окружающей действительности.

Полную таблицу основных изречений, используемых в картах *ироха* в различных областях Японии, можно посмотреть в опубликованных монографиях автора [3–4]¹².

В пословицах и изречениях, закрепленных за каждым знаком поэтического алфавита, совокупность сентенций охватывает практически все стороны жизни японского народа и представляет собой своеобразный нравственно-этический кодекс. Примечательно, что в традиционной и современной культуре Японии насчитывается множество примеров трансформации идей поэтического алфавита *ироха*. С понятием *ироха* связано большое количество идей и образов в литературе, в театральном и изобразительном искусстве, в национальных видах спорта. Кроме письменной и игровой культуры порядок *ироха* до сих пор активно используется в Японии и при обозначении мест в театре, обыгрывается в названиях магазинов, в оформлении интерьера ресторанов и пр. В настоящее время чтение алфавита *ироха* в обратном порядке является своеобразной разминкой речевого аппарата у дикторов на телевидении и радио. В целом, можно сказать, что с понятием *ироха* в Японии связан широкий культурно-исторический подтекст, знание которого обеспечивает адекватное понимание многих аспектов истории и культуры Восточно-Азиатского региона в целом.

Все эти примеры длительного функционирования поэтического алфавита в культуре Японии показывают высокую степень адаптивности письменного наследия к задачам современности. Неслучайно на протяжении столетий в Японии неоднократно предпринимались попытки сочинений так называемых *син ироха-ута* – «Новых песен *ироха*», которые не прекращаются и поныне [3, с. 105–106]. Каждое поколение осмысливает для себя

¹² В таблице каждое изречение записано иероглифами; курсивом дана транскрипция; далее следует буквальный перевод; жирным шрифтом дается русский эквивалент. Перевод и комментарии, а также подборка русских эквивалентов выполнены автором работы. Дается по: [5, с. 240–243].

опыт, накопленный предшественниками – тому свидетельство наличие различных обучающих и развивающих игр, построенных на основе алфавитного порядка *ироха*¹³, многочисленных словесных загадок, поэтических состязаний с использованием историко-литературных аллюзий и проч. Это лишний раз подчеркивает незыблемость престижа литературно-поэтического творчества и прочности игровых традиций в современной культуре Японии.

К сожалению, всего этого нельзя сказать о древнем славянском алфавите – в отечественной культуре он незаслуженно забыт. Глубокий сакральный и нравственный смысл азбуки, созданной Константином Философом в IX в., оказался на столетия погребенным под слоем разнообразных теорий и доктрин, а также в силу особенностей историко-культурного развития России. По выражению Л.В. Савельевой, «в русской культуре устарела средневековая эстетика (ее уже не чувствовал воспитанный на французской культуре А.С. Пушкин, создатель современного литературного языка), отсюда – светская духовность в настоящее время далека от истинного, первоначального смысла азбуки»¹⁴.

Отчасти к теме создания стихотворного, «говорящего» алфавита – но на базе современного языка – неоднократно обращались известные писатели и поэты XIX–XX вв. Достаточно упомянуть «Азбуку» Л. Толстого, «Живую азбуку» Саши Черного, «Советскую азбуку» В. Маяковского, «Рабочую азбуку» И. Бродского, где подчас преследовались определенные идеологические цели. Воспитательную роль поэтических азбук хорошо понимали многие выдающиеся советские поэты, писавшие для детей (С. Маршак, Е. Благина, И. Токмакова, Б. Заходер, Г. Сапгир и др.), однако в настоящее время этот жанр детской поэзии зачастую дискредитируется низкопробными сомнительными изданиями, выходящими массовыми тиражами.

В этом смысле достойны уважения усилия деятелей православной церкви по возрождению отечественной письменной традиции, а также научно-просветительская деятельность российских и зарубежных славистов. Пожалуй, здесь может сослужить хорошую службу их объединение с профессиональным сообществом российских востоковедов, которые в процессе изучения эволюции традиционной культуры Востока нащупывают пути развития и своей национальной культуры. Такое приобщение к сакральной природе священного азбучного слова, ориентированного на высокодуховные запросы части населения, будет способствовать изучению тайн «азбучных истин», заложенных как в фундамент византийско-славянской межкультурной коммуникации, так и в фундамент буддийско-конфуцианской восточной цивилизации.

¹³ См., к примеру: *Войтишек Е.Э.* Карты с оборотнями // Восточная коллекция. 2003. № 4 (15). С. 65–82.

¹⁴ Из личной переписки автора статьи с Л.В. Савельевой.

Список литературы

1. *Савельева Л.В.* Славянская азбука: Дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: Материалы 1-й международной конференции «Евангельский текст в русской литературе» (7–12 июня 1994 г.). Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. С. 12–31.
2. *Савельева Л.В.* К проблеме первого славянского оригинального текста (в продолжение дискуссии) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 3. С. 25–31.
3. *Войтишек Е.Э.* Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). Новосибирск: изд-во Новосибирского госуниверситета, 2011. 2-е изд., испр. и доп. 311 с., 44 с. ил.
4. *Войтишек Е.Э.* Карты «ироха». Старинная интеллектуальная японская игра. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии, 1999. 78 с.
5. *Сидай Рюдзо.* Хякуниниссю то ироха-карута: кайсяку то кансё 司代隆三。百人一首といろはかるた：解釈と鑑賞。東京、北辰堂：[Антология «Сто стихотворений ста поэтов» и карты ироха: комментарии и пояснения]. Токио: Хокусиндо, 1957. 264 с.

Поступила в редакцию 02.11.2016

Автор:

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, зав. кафедрой и отделением востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.
E-mail: elenavoyt@academ.org

Slavic and Japanese Traditions of Poetic Alphabet Creation

E.E. Voytishek

The article focuses on the general formation principles of Slavic (Glagolitic and Cyrillic), and Japanese writing systems (*iroha*), both based on the idea of creating poetic alphabets. These alphabets were created irrespectively of each other in different parts of the world at the turn of the IX–X centuries. Their symbols reflect a kind of language-infused image of the world of each nation, which corresponds to their subsequent ethnic consciousness, being expressed in terms of moral and ethical standards and eternal truth. It is no mere chance that they are considered to be «basic» and are called «truism».

Keywords: Glagolitic, Cyrillic, basic prayers, *iroha* poetic alphabet, *iroha-karuta*, and *iroha* proverbs.

Author:

Voytishek Elena E., Doctor of Sciences (History), PhD, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Institute of Humanity, Novosibirsk State University. E-mail: elenavoyt@academ.org